

непосредственно связан с пушкинским «Борисом Годуновым». Думается, тут тоже можно усмотреть некоторые особенности исторического и литературного процесса.

Пушкинский Годунов еще уверяет, уговаривает себя, что против него лишь «пустое имя», «тень», «звук», «призрак». И нужна постепенно происходящая непосредственно у него на глазах «материализация призрака»¹⁰ (появление Самозванца, встреча с Юродивым), чтобы он осознал свою судьбу и склонился перед нею. Самозванец пытается отнести неизбежность «наказания» за «преступление» только к другому — к Борису и словно бы отводит ее от себя.

Главный вопрос здесь еще не несет в себе наперед, в самой своей «подпочве» трагической неразрешимости. История как бы производит первые свои «пробы» на этом пути, и герои получают на собственном опыте первые уроки. В «Борисе Годунове» происходит самым непосредственным образом «сшибка», пользуясь известным словом Белинского, характеров (Бориса и Лжедмитрия) с «мнением народным», с содержанием жизни общей.

У Раскольникова есть, казалось бы, все возможности по своему «исполниться». Все ему вроде бы удастся. Однако прежде чем убить процентщицу, студент-юрист сел писать статью, чтобы доказать себе и другим права личности, как он их понимает. «Наказание» рождается в Родионе Романовиче еще до «преступления». И на «это» он идет «не своими ногами».

Личность в сущности изначально лишена теперь прежних надежд, открывавшихся когда-то перспектив, уверенности и вдохновения. Одержимость Раскольникова «идеями» в самых истоках своих неотличима от обреченности ей. И при этом в нем, интеллигенте, столь очевидно от народной жизни далеком, неодолимо заявляет о себе ее непреложный для всех, простой и неоспоримый нравственный закон.

Она-то, эта народная жизнь, Раскольникову и противостоит, противостоит в нем самом, безусловно, с самого начала и до самого конца. Потому организующего все произведение драматического действия здесь и не складывается.¹¹ А отношения героя с миром, захватывая и вовсе не близко к герою расположенное, тяготеют не к сосредоточенности драматургической структуры, но к широкому и свободному развешиванию романа.

Как видим, связка «романы Достоевского — „Борис Годунов“ Пушкина» даже на самый беглый взгляд полна историко-литературного содержания и сразу вводит нас в сложное и живое единство пути русской литературы XIX столетия.

¹⁰ Непомнящий В. Наименее понятый жанр. Заметки о духовных истоках драматургии Пушкина. — Театр, 1974, № 6, с. 26.

¹¹ Верна, следовательно, высказанная недавно в другой связи В. Днепровым мысль о том, что, когда мы говорим о драматическом у Достоевского, «речь должна идти не о романе-драме, а о драме в романе» (Днепро в В. Драма в романе. — Театр, 1974, № 4, с. 56).

Е. Н. ДРЫЖАКОВА

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ» В КРУГУ ПЕТРАШЕВЦЕВ

По крайней мере шестерым из подсудимых петрашевцев следственная комиссия задавала вопрос о чтении на вечере у Плещеева «юмористической» статьи под заглавием «Петербург и Москва», «сочиненной Герценом» (так имя автора названо во всех писарских вопросах).¹ Какими же материалами располагало следствие, из каких кругов могла попасть на вечер эта статья и что именно в произведении Герцена должно было привлечь внимание посетителей Плещеева?

Прежде всего следует поставить под сомнение версию А. Миллюкова, который в своих воспоминаниях, созданных спустя сорок лет после событий, писал: «... вероятно, при аресте петрашевцев немало экземпляров этих сочинений отобрано и передано было в Третье отделение».² Миллюков говорит здесь о двух «сочинениях»: «Письме Белинского к Гоголю» и статье Герцена «Москва и Петербург» — и несправданно объединяет их судьбу. Письмо Белинского действительно было отобрано, о чем есть документальные свидетельства, а статья Герцена в Третье отделение, по-видимому, не попала, иначе следствие непременно заинтересовалось бы этой «возмутительной» статьей, где об августейших особах сообщались непристойные интимные подробности.³ Да и имя сочинителя в этом случае вряд ли фигурировало бы с искажением — об авторе статьи навели бы надлежащие справки. Ско-

¹ См. дела С. Дурова, В. Головинского, Н. Григорьева, А. Пальма, А. Плещеева (Дело петрашевцев. Т. III. М.—Л., 1954) и Ф. Достоевского (Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971).

² Миллюков А. П. Литературные встречи и знакомства. — В кн.: Достоевский в воспоминаниях современников. Т. I. М., 1964, с. 187.

³ См., например: «Он (Петербург, — Е. Д.) видел оргии Метнего сада, герцогиню Бирон, валяющуюся в снегу, и Анну Леопольдовну, спящую с любовником на балконе Зимнего дворца» (Герцен А. И. Собр. соч. Т. II. М., 1954, с. 40).

рее всего источником вопроса о чтении упомянутой статьи на вечере у Плещеева послужило показание И. Дебу, который на вопрос следствия, с какой целью собирались и чем занимались у Плещеева, дал следующий пространный ответ: «Это было нынешнюю осенью или в самом начале зимы. В этот день я был у него. Там были: Достоевский, Дуров, Пальм, Мордвинов, Филиппов, еще один кавалерийский офицер (Н. Григорьев, — Е. Д.) <...> двое или трое статских, мне совершенно неизвестных. В этот вечер говорили у него о литературе по большей части... Один из незнакомых мне статских читал письмо „Москва и Петербург“ Искандера, которое было напечатано в „Отечественных записках“ с пропусками, а он читал его в рукописи».⁴ Так И. Дебу дал следствию материал для дальнейших расспросов поименованных им присутствующих лиц.⁵ Названный Дебу псевдоним Герцена был, очевидно, сразу же раскрыт, но раскрыт, по-видимому, устно, при дополнительных вопросах, и записан протоколистом с искажением фамилии. Кроме того, Дебу, возможно без умысла, дезинформировал следствие, указав, что статьи хоть и «с пропусками», но была напечатана. В действительности очень небольшая часть статьи Герцена «Москва и Петербург» в измененной редакции была опубликована в составе фельетона «Станция Едрово» в «Московском городском листке» (1847, 11—12 марта, № 57—58).⁶ А в № 3 «Отечественных записок» за 1848 г. была напечатана статья «Несколько замечаний об историческом развитии чести» — философские раздумья о личности и обществе. Возможно, именно она припомнилась Дебу, и он смешал две публицистические статьи Искандера.

Н. Григорьев уже на конкретный вопрос о чтении на вечере у Плещеева статьи «Петербург и Москва», «сочиненной Герценом», написал: «В начале зимы у товарища моего детства А. П. Плещеева, которого социалисты завербовали в ученики, познакомился я с ними последними. У него на вечере был два раза. Первый раз я в половине застал читающее Миллюковым „Москва и Петербург“, говорят, Герца, чему я плохо верю. Разговор после был не слишком значащий. Второй раз было менее гостей. Характер вечера социально-политический».⁷ Как видим, малообразованный и склонный к преувеличению поручик Григорьев дал следствию материал о «социалистическом» направлении вечеров Плещеева и назвал «чтотца» интересующей нас статьи — А. Миллюкова.

Миллюкова назвал и Пальм, ответивший на тот же самый вопрос кратко: «Статья Герцена читалась. Сначала Плещеев прочел

⁴ Дело петрашевцев, т. III, с. 60.

⁵ «Двое статских» — очевидно, В. Головинский и А. Миллюков. Дела П. Филиппова и Н. Мордвинова не сохранились.

⁶ См. об этом: Герцен А. И. Собр. соч., т. II, с. 439.

⁷ Дело петрашевцев, т. III, с. 248.

речь Феликса Пиа в „La Presse“, а потом Миллюков „Петербург и Москва“ Герцена».⁸

Так мы можем точно установить, что статья Герцена попала на плещеевский вечер через Миллюкова. Последний в своих воспоминаниях рассказывает о книгах (очевидно, в этот ряд надо поставить и статьи) «революционного и социального содержания», которые в кругу людей, группировавшихся вокруг Плещеева и Дурова (но не Петрашевского), «передавались друг другу».⁹ Говорит Миллюков и о том, что «у многих из наших знакомых оно («Письмо Белинского к Гоголю», — Е. Д.) обращалось в списках вместе с привезенной также из Москвы юмористической статьей А. Герцена, в которой зло и остроумно сравнивались наши обе столицы».¹⁰

Через Миллюкова список статьи Герцена, очевидно, попал к А. Чумикову, не присутствовавшему на вечере у Плещеева в день чтения, но тем не менее сообщившему спустя несколько лет — 5 августа 1851 г. — А. И. Герцену: «Ваше слово для нас закон, вы наш оракул. С каким энтузиазмом слушали мы ваше сравнение Москвы с Петербургом...»¹¹ Где же Чумиков слышал чтение? С одной стороны, он общался с кругом В. Майкова и звал Миллюкова еще до плещеевских собраний, а с другой — бывал в кружке И. Введенского в 1848—1850 гг.¹²

Известно, что В. Майков очень высоко ценил беспристрастность Герцена и ставил ее даже в исключительное положение среди тогдашней русской литературы именно за связь с «современной наукой», за «энергический» поиск «истины», за «выражение идей в самой популярной форме».¹³ Естественно, что в кругах, близких к В. Майкову, интерес к философским и публицистическим произведениям Герцена был особенно острым.¹⁴ Сам Герцен, находясь еще в России (т. е. до января 1847 г.), знал о распространении в списках его статьи и в предисловии к ее публикации

⁸ Там же, с. 276.

⁹ Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 183.

¹⁰ Там же, с. 187.

¹¹ Лит. наследство. Т. 62. М., 1955, с. 718.

¹² См. о кружке Введенского: Чумиков А. Петербургский университет полвека назад. — Русский архив, 1889, № 9, с. 134. См. также: Усакина Т. Петрашцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965, с. 140—149.

¹³ Майков В. Критические опыты. СПб., 1891, с. 280.

¹⁴ Как убедительно показано С. А. Макашиным, В. Майков оказал большое влияние на формирование взглядов так называемых «ранних петрашевцев»: А. Ханькова, А. Плещеева, А. Баласогло, В. Миллюгина, М. Салтыкова, В. Энгельсона (см.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. Т. I. М., 1949, с. 200). Салтыков-Щедрин в своем автобиографическом наброске 1879 г. назвал имя Герцена рядом с Белинским среди тех, кто «на заре» его деятельности оказал на него наибольшее «влияние» (см.: там же, с. 245). В. Энгельсон в одном из своих позднейших писем к Герцену рассказал о том колоссальном влиянии, какое имели на него в 1846 г. статьи Герцена в «Отечественных записках» (см.: Энгельсон В. Статьи. Прокламации. Письма. М., 1934, с. 44).

в «Колоколе» (л. 2, 1 августа, 1857 г.) замечал: «Статья эта нравилась многим и обошла всю Россию в рукописных копиях».¹⁵

Достоевский на вопрос следственной комиссии о вечерах Плетцеева и о чтении «юмористической статьи под заглавием „Петербург и Москва“, сочиненной Герценом», дал следующее объяснение: «У Плетцеева никогда не было постоянных вечеров. Он только изредка звал к себе на чай. По воспоминаниям моим, во всю зиму не более трех раз. На этих вечерах говорилось обо всем и ни о чем особенно: т. е. это были обыкновенные приятельские собрания, не более; и так как не было особенной цели, то не было и особого направления; тут всякий точно таков же, как и у себя дома, как и в другом месте: особенности никакой не было. Гости были, сколько я знаю, из коротких приятелей. <...> Статья „Петербург и Москва“ была действительно один раз прочитана; но вовсе не для возмутительных целей и без предварительного намерения, а случайно, кажется, потому что под руку попала как легкая фельетонная статья, в которой много остроумия, хотя и бездна парадоксов; на нее смотрели с точки зрения чисто литературной».¹⁶ Достоевский, конечно, намеренно не назвал настоящего автора статьи, — вспомним, что и «Переписку Белинского с Гоголем» он в своих показаниях аттестовал «не более, не менее как литературный памятник».¹⁷ Такова была его система защиты.

Менее осторожный А. Плетцеев на дополнительные вопросы следствия по поводу чтения у него на вечере статьи «Петербург и Москва» рассказал: «... это сделалось случайно, ибо разговор коснулся этого писателя».¹⁸ Плетцеев, конечно, уже знал об участии Герцена в европейских событиях 1848 г., знал, что русская цензура не пропускала более в печать его сочинений. В Москве Плетцеев имел возможность прочесть «Перед грозой»¹⁹ — первую главу будущей книги «С того берега». («После грозы» тоже, как известно, распространялась в рукописи в кругах московских и петербургских приятелей Герцена.²⁰) Нет, далеко не «случайно» на вечере у Плетцеева, как он уверял следственную комиссию, разговор «коснулся этого писателя» и была прочитана, «потому что под руку попала» (интерпретация Достоевского), статья Герцена «Москва и Петербург». Несомненно, и эта статья, и другие произведения Искандера содержали в себе нечто созвучное тем общим идеям, которые объединяли столь разные по своим

темпераментам, убеждениям, помыслам и идеям круги, лишь условно называемые нами петрашевцами (В. Майков и М. Салтыков; А. Чумиков и В. Энгельсон; А. Милуков и И. Дебу; А. Плетцеев и Ф. Достоевский; Н. Чернышевский и Н. Кашкин).²¹ Чем же могла, в частности, привлечь к себе внимание статья Герцена «Москва и Петербург»?

Статья, как известно, была написана еще в 1842 г., вскоре после высылки Герцена из Петербурга в Новгород. Злой и ироничный тон статьи в какой-то степени объясняется этим обстоятельством. Но вместе с тем у Герцена звучит мысль столько же парадоксальная, сколь и неожиданная: «Жизнь Петербурга только в настоящем; ему не о чем вспомнить, кроме о Петре I, его прошедшее сколочено в один век, у него нет истории, да нет и будущего; он всякую осень может ждать иквала, который его потопит <...>. И теперь, когда он начал для меня исчезать в тумане, которым бог заводит его круглый год, чтобы издали не видно было, что там делается, — я не нахожу средств разгадать загадочное существование города, основанного на всяких противоположностях и противоречиях, физических и нравственных...»²²

Статья Герцена написана, очевидно, после приезда к нему в Новгород в самом конце 1841 г. В. Г. Белинского.²³ Очень возможно, что во время этой встречи в разговорах как-то возникала тема двух столиц в связи с недавними впечатлениями Герцена от его поездки в Москву (уже после Петербурга), где он, по его собственным словам, «все время ратовал со славянобесием»,²⁴ хотя его отношение к славянофилам тогда было не столь односторонне отрицательным, как у Белинского. Во всяком случае, когда статья Герцена «Москва и Петербург» стала распространяться в списках, восприимаясь, очевидно, как определенное кредо Герцена в полемике западников и славянофилов, Белинский напечатал в сборнике «Физиология Петербурга» (ценз. разр. — 2 ноября 1844 г.) статью под названием «Петербург и Москва», полемическую по отношению к идеям Герцена. Для Белинского Петербург — «необходимое и вековечное явление и крепкий дуб, который сосредоточит в себе все жизненные соки» и вместе с тем школа духовного отречения от беспочвенной романтики и утопии.²⁵

Статья Белинского была опубликована в тот же год, когда в доме Петрашевского начались первые собрания. Возможно, что статья Герцена воспринималась частью петрашевцев в качестве

¹⁵ Герцен А. И. Собр. соч., т. II, с. 33.

¹⁶ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев, с. 149—150.

¹⁷ Там же, с. 105.

¹⁸ Дело петрашевцев, т. III, с. 312.

¹⁹ См. письмо Плетцеева к Дурову от 26 марта 1849 г. Письмо попало в следственную комиссию (опубликовано: Дело петрашевцев, т. III, с. 295).

²⁰ См. об этом: Герцен А. И. Собр. соч., т. VI, с. 493—494. — В числе читателей мы можем точно назвать Грановского и Некрасова. Плетцеев во время московской поездки встречался с Грановским, Галаховым, Щепкиным и говорил с ними о Герцене (см. его письмо к Достоевскому от 14 марта 1849 г.: Дело петрашевцев, т. III, с. 288).

²¹ См., например, в деле Н. Кашкина выписки из статей Герцена «Дилетантизм в науке» (Дело петрашевцев, т. III, с. 154—158).

²² Герцен А. И. Собр. соч., т. II, с. 34.

²³ См.: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 315; Путинцев В. А. О встречах Белинского и Огарева с Герценом в Новгороде в 1841 и 1842 гг. — Изв. АН СССР. Отд-ние яз. и лит-ры, 1958, т. XVII, вып. 5, с. 154—156.

²⁴ Герцен А. И. Собр. соч., т. XXII, с. 116.

²⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1955, с. 395, 692.

возражения Белинскому, а не наоборот, как это имело место в действительности, и тогда понятен тот особый интерес к ней в 1848 г. в свете недавней полемики В. Майкова с Белинским.²⁶ Кроме того, в 1846—1848 гг. многие молодые петербургские «мечтатели» в разных кружках уже задумывались над тем, как «переделывать действительность», и герценовская мысль о призрачности Петербурга (т. е. петербургского самодержавного крепостнического строя) была популярна и находила сочувствие в их кругу.

Вспомним столь значительный образ Петербурга «со всеми его жильцами, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютицами нищих или раззолоченными палатами», который возникает в трагическом финале повести «Слабое сердце» Достоевского, где автору кажется вместе с героем, что город этот, «оплот» «сильных мира сего», «походит на фантастическую волшебную грезу, на сон, который, в свою очередь, тотчас исчезнет и искурится паром к темно-синему небу» (2, 48). Чем-то этот необычный и зловеще-символический пейзаж напоминает иронически выраженную мысль Герцена о «загадочном существовании» города, «основанного на всяких противоположностях и противоречиях», города, у которого «нет будущего» и который «всякую осень может ждать шквала, который его потонит».

²⁶ См. об этой полемике: Манн Ю. Русская философская эстетика. М., 1969, с. 269—274.

А. Л. ОСНОВАТ

ДОСТОЕВСКИЙ И РАННЕЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

(1840-е годы)

В литературе неоднократно и убедительно прослеживалось влияние утопических и социалистических идей на молодого Достоевского.¹ Менее подробно изучены другие источники мировоззрения писателя в 1840-е годы. Воздействие на Достоевского исторической концепции славянофилов, отразившееся в его показаниях на следствии по делу петрашевцев (1849 г.), впервые было отмечено Г. М. Фридендером;² эту мысль в самом общем виде сформулировал также Л. В. Черепнин.³

Следственное дело Достоевского-петрашевца открывается его письменным объяснением о характере Петрашевского и вечерах, происходивших на его квартире, а также о цели, которую эти собрания преследовали. В этом первом показании Достоевский, отвергая еще не предъявленное ему обвинение в антиправительственной деятельности, заявлял: «Но если я говорил о французском перевороте (1848 г., — А. О.), если я позволял себе судить о современных событиях, следует ли из этого, что я вольнодумец, что я республиканских идей, что я противник самодержавия, что я его подкапываю. Невозможно! Для меня никогда не было ничего нелепее идеи республиканского правления в России. Всем, кто знает меня, известны на этот счет мои идеи. Да, наконец, такое обвинение будет противно всем моим убеждениям, моему образованию. Я, может быть, еще объясню себе революцию западную и историческую необходимость тамошнего современного кризиса. Там несколько столетий, более тысячелетия, длилась упорнейшая

¹ См.: Комарович В. Л. Юность Достоевского. — Былое, 1924, № 23; Чулков Г. И. Достоевский и утопический социализм. — Каторга и ссылка, 1929, № 2—3; Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971.

² См.: История русской литературы. Т. IX, ч. II. М.—Л., 1956, с. 36, а также: Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.—Л., 1964, с. 20.

³ См.: Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, с. 155—156.